

Заметки о праве на ложь в процессе с точки зрения философии

В данной статье рассмотрена проблема лжи в процессе с точки зрения философии и соотношения с материальным правом, не допускающим лжи при совершении сделок.

Ключевые слова: ложь; право на ложь; доверие; добросовестность; правосудие.

Две вещи наполняют душу всегда новым
и все более сильным удивлением и благоговением,
чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, –
это звездное небо надо мной и моральный закон во мне.
И. Кант

Как справедливо замечал В. С. Соловьев, «ни один философ до Канта не утверждал, что основополагающая заповедь “не лги” есть одновременно и “источник права”, всякого права, “основанного на договорах”» [25, с. 80].

Мы вынуждены ограничиться весьма кратким рассмотрением идей И. Канта, вокруг которых до сих пор не утихают споры.

«Правдивость в показаниях, которых никак нельзя избежать, есть формальный долг человека по отношению ко всякому¹, как бы ни был велик вред, который произойдет отсюда для него или для кого другого; и хотя тому, кто принуждает меня к показанию, не имея на это права, я не делаю несправедливости, если искажаю истину, но все-таки таким искажением, которое поэтому должно быть названо ложью (пусть не в юридическом смысле), я нарушаю долг вообще в самых существенных его частях: т. е. поскольку это от меня зависит, я содействую тому, чтобы никаким показаниям (свидетельствам) вообще не давалось никакой веры и чтобы, следовательно, все права, основанные на договорах, разрушались и теряли свою силу; а это есть несправедливость по отношению ко всему человечеству вообще. <...> Определение лжи, как умышленно неверного показания против другого человека, не нуждается в дополнительной мысли, будто ложь должна еще непременно вредить другому, как этого требуют юристы для полного ее определения (*mendacium est falsiloquium in praejudicium alterius*). *Ложь всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще, ибо она делает негодным к употреблению самый источник права*» [12].

В. С. Соловьев обратил внимание на этот момент, который, на наш взгляд, весьма важен, поскольку речь идет об источнике права. И. Кант использовал в своей статье заповедь «не лги», однако не включал ее в источники права, а лишь указал, что «ложь делает негодным к употреблению самый источник права». Полагаем, что Кант здесь имел в виду в качестве источника права «доверие» – «fides»².

«Fides»³ – (вера, доверие), собственная честность и доверие к чужой честности, верность данному слову, нравственная обязанность всех людей (и, следова-

* Айдар Рустэмвич Султанов, начальник юридического управления ПАО «Нижнекамскнефтехим», член Ассоциации по улучшению жизни и образования (г. Нижнекамск).

¹ Сноска, сделанная И. Кантом: «Здесь я не могу довести свое положение до такой остроты, чтобы сказать: “Неправдивость есть нарушение обязанности к самому себе”. Ибо оно относится уже к этике; а здесь речь идет о правовой обязанности. Учение о добродетели видит в этом нарушении только полную негодность, обвинение в которой лжец на себя навлекает».

² Российскому юристу более известен термин «bona fides» – «добрая совесть», который произошел от fides.

³ Не можем не отметить, что в Древнем Риме Fides – это также богиня согласия, верности.

тельно, не зависящая от римского гражданства) выполнять свое обязательство, в чем бы оно ни выражалось. Поэтому *fides* стала опорой всех правоотношений между гражданами и негражданами Рима (- *ius gentium*) и одним из основных творческих элементов римского правового мышления [3, с. 131–132].

Современные исследователи подчеркивают, что «*fides*» означает веру и доверие в смысле веры данному слову со стороны третьих лиц и доверие как соблюдение верности своему слову. Это первая грань, определяющая как бы нижний предел человеческих отношений с точки зрения римского воззрения на существующий порядок вещей. Вместе с тем без уважения к самому себе и своему честному слову в Риме не мыслилось ни одно правовое отношение [13]. Считается, что *fides* является основой понимания норм римского права и как бы опорой всех правоотношений в Риме. Оно олицетворяет собой ожидание правильного поведения и тем самым выполнения данных обещаний и корреспондирующее этому доверие тому, что обещание будет исполнено [17, с. 13].

Конечно, мы здесь под источником права понимаем не нормативный акт, а, скорее, нечто такое, что вообще порождает право, откуда проистекает⁴ само право, откуда право черпает силы для своего развития.

Как отмечают исследователи, «по своей сущности категория *fides* занимает место вне правопорядка, но она всякий раз вновь и вновь вторгается в правовую сферу, и под ее непосредственным и решающим влиянием происходит формирование правовых предписаний. Это становится возможным благодаря развитию права и в ходе такого развития»⁵. Российские цивилисты также обращали внимание на то, что «доверие составляет необходимый элемент всякой сделки» [11, с. 208]. Безусловно, состояние доверия можно рассматривать как юридический факт или элемент юридического состава [14, с. 264–265, 271–281], поскольку утрата доверия может быть юридическим фактом для расторжения договорных отношений [6, с. 337]. Доверие – это «предпосылка правового общения» [8, с. 40].

Мы позволили себе несколько углубиться в истоки, поскольку избитые клише, воспринимаемые за аксиомы, лишают возможности видеть ситуацию такой, какая она есть.

А ситуация довольно проста – суд не создан для того, чтобы, действуя на основании лжи, выносить несправедливые, далекие от правды решения, которые к тому же были бы обязательны для всех⁶.

Главная и единственная задача правосудия – охрана права в борьбе с неправдой [22]. Как справедливо отмечал В. А. Рязановский, «государство существенно заинтересовано в том, чтобы действительный кредитор мог получить удовлетворение от действительного должника и чтобы такое положение являлось общим правилом. Следовательно, процесс должен быть так организован, чтобы суд мог установить действительное отношение между сторонами, найти материальную правду» [24, с. 34].

Неправда – это то, что разрушает доверие – основу общества. В том числе и подрывает доверие к суду, который принимает ложь. Не говоря уже о том, что ложь разрушает и самого человека.

---

⁴ Конечно, термин «источник права» всего лишь метафора, которая все же позволяет отразить сущность явления. «...Если посмотреть на эту метафору с позиций сегодняшнего дня, то нельзя не признать, что она выражает и ту мысль, что закон не самодостаточен, что существует и еще некоторый фактор, который не только определяет, но в известном смысле и санкционирует закон» [23, с. 45–46].

⁵ Waldstein W. Entscheidungsgrundlagen der klassischenromischen Juristen // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms in Spiegel der neueren Forschung. B. 15 / Herausg. von H. Temporini, W. Haase. – Berlin, Neu York, 1976. – S. 68–69. Цит. по [13].

⁶ См. подробнее: [2; 9].

Прав был Кант, когда писал, что «неправдивость есть нарушение обязанности к самому себе». Современные философы отмечают: «Истиной для вас является то, что вы видели сами. И когда вы теряете это, вы теряете всё. Что такое целостность личности? Целостность личности – это знание того, что вы знаете (то, что вы знаете, – это то, что вы знаете). И это мужество, достаточное для того, чтобы знать, что именно вы видели, и сказать об этом. Это и есть целостность личности. И нет никакой другой целостности» [32]. Исследователи правды в отечественной мысли отмечают, что «вследствие выявления логики становления и развития правды в отечественной мысли становится ясным, что данная идея является системообразующей в общественном сознании как в ценностном, так и в его нормативном строе. По своей сути идея правды совпадает с идеей права» [31, с. 10].

Конечно, последние цитаты имеют больше отношения к этике. Нельзя при помощи права сделать человека честным и правдивым. «Право в интересах свободы позволяет людям быть дурными, не вмешиваясь в их вольный выбор между добром и злом; оно только в интересах общего блага препятствует дурному человеку пребывать торжествующим злодеем, опасным для самого существования общества. Задача права вовсе не в том, чтобы лежащий во зле мир обратился в Царствие Божье, а только в том, чтобы он до времени не превратился в ад» [26].

Поэтому мы будем говорить только о лжи, которая должна быть запрещена правом, и прежде всего о лжи в суде.

Тот, кто считает допустимой ложь в суде, допускает победу неправды в суде, тем самым позволяя превращение лжеца в торжествующего злодея, при соучастии суда.

Надо отметить, что в цитируемой нами статье Канта также речь шла «о правдивости (честности) в показаниях. Каждый раз оговаривает это. Слово “показание” фактически является в статье термином, повторяемым на 4–5 страницах текста, по крайней мере, 10 раз. Оно, на мой взгляд, подобрано переводчиком очень точно, имея в виду, что это русское слово («показание») употребляется именно в юридическом, правовом аспекте (если, конечно, речь не идет о данных измерительных приборов). Термин, переведенный как “показание” в немецком оригинале обозначен тремя словами: “Deklaration”, “Erklaerung”, но чаще всего (в восьми случаях) “Aussage”. Все они подразумевают публичные, официальные заявления, в особенности перед судом (о чем в одном месте кантовского текста говорится прямо). Это не просто высказывания, а именно показания, т. е. обязывающие высказывания, которые человек делает с сознанием ответственности и готовности отвечать за них» [7, с. 116].

Допущение лжи в суде подрывает доверие к суду, к его способности выносить справедливые судебные акты. Суды, потеряв доверие, закономерно утрачивают легитимность [4, с. 25].

Соответственно, ложь вредна, поскольку подрывает возможность выполнения функции правосудия.

Полагаем, что допущение лжи в судебном процессе противоречит самим основам правосудия. «Гражданский процесс является не зависящим от произвола; здесь действует неизменный закон, и произвол влияет на проявление закона только в частностях; всякие попытки организовать гражданский процесс в противность основному закону оказывались безуспешными...» [16, с. 5]. «...Закон, вытекающий из природы человека, неизбежно требующий удовлетворения своих потребностей, в дальнейшем неизбежно порождающей между людьми столкновения в области частно-правовых отношений, с другой стороны закон самосохранения государства, неизбежно требующий водворения спокойствия в правоотношениях граждан. Пока будет существовать государство, признающее личность человека, – этот основной закон гражданского процесса будет оста-

ваться неизменным, определяющим процесс законом» [16, с. 8]. Современные философы также задались вопросом: «Если краткосрочная цель правосудия в том, чтобы прервать конфликт, то не состоит ли долгосрочная цель в том, чтобы восстановить социальные узы, положить конец конфликту, установить мир?» [21, с. 259].

Ложь, безусловно, является барьером в достижении этих целей. Вынесение судебного решения, не основанного на правде, не превращает конфликтную ситуацию в бесконфликтную. «Руководимая правдой личность отличается не только тем, что держится правил, исполняет обязанности и настойчива в правопритязаниях, но и тем, что берется не принимать фальши, даже если она узаконена» [1, с. 189].

Вступление в силу судебного решения, основанного на лжи по одному спору, лишь порождает новый спор между теми же сторонами. Суды оказались завалены исками. Работая с перегрузкой, суды порой стали относиться к рассмотрению дел более формально, решения их стали более поверхностными, не проникающими в суть конфликта. Некоторые же судьи, даже не пытаясь разрешить конфликт, по всей видимости, полагая, что это невозможно и что это не является целью судебного процесса, стали озабочены лишь тем, как вынести решение, которое устояло бы в вышестоящих инстанциях [28].

Более того, в недрах судебной системы вновь проросло желание вообще не мотивировать судебные акты [20]. Ранее, в начале XX века, Н. В. Крыленко обосновывал это тем, что мотивирование судебных актов является обременительным для простых рабочих, назначенных народными судьями, что требование мотивирования не соответствует воззрению на суд как на суд народной совести, что закон настолько доверяет судьям, что не требует объяснять, почему тому или иному доказательству придана вера или, наоборот, ее не придано [15, с. 78].

Хотя, конечно, сейчас инициаторы этого не указывают в качестве проблемы на сложность написания мотивированных судебных актов, а ссылаются на перегрузку судов.

Однако мотивированность судебных актов **является одним из средств, посредством которого поддерживается доверие к нижестоящим и вышестоящим судам** [27]. Юридическая сила суда в социальной реальности подтверждается качеством его решений, а не только критерием легальности [5, с. 270].

Функцией мотивированного решения является демонстрация сторонам, что их выслушали [19].

Возможно, «разрешение лжи в процессе» привело к потере у судов этой ценности процесса – зачем слушать ложь? Зачем ее описывать в судебном акте?

Таким образом, мы наблюдаем вначале допущение лжи в процессе, затем тотальное недоверие к сторонам, влекущее снижение уважения к правам сторон, а потом деформацию правосудия, грозящую ему вообще перестать быть таковым [29; 30].

При этом материальное право относится отрицательно к лжи и обману. В. Ф. Яковлев, один из создателей Арбитражного процессуального кодекса РФ, отмечал, что «метод гражданского процессуального регулирования является продолжением гражданско-правовой позвольтельности» [33].

Гражданский кодекс РФ предусматривает негативные правовые последствия равно как в ситуации с прямым обманом при заключении сделки (ст. 179 ГК РФ), при даче заверений (ст. 431.2 ГК РФ) и даже сокрытии информации (обман путем умолчания) (ст. 179, ст. 431.2, ст. 10 ГК РФ).

Полагаем, что появление термина «заверение»⁷ в какой-то степени обусловлено ранее нами упомянутым источником права – «fides».

⁷ Заверение – обнадёживающее заявление, уверение [10].

Это неудивительно, поскольку «bona fides» произошло от «fides». И. Б. Новицкий, характеризуя принцип «bona fides», указывал: добросовестность, или добрая совесть, по этимологическому смыслу таит в себе такие элементы, как знание о другом, о его интересах; знание, связанное с известным доброжелательством; элемент доверия, уверенность, что нравственные основы оборота принимаются во внимание, что от них исходит каждый в своем поведении [18].

Очевидно, что принцип добросовестности не совпадает с запретом злоупотребления правом. Он шире, он не просто запрещает действия на причинение вреда. В частности, он предусматривает, что «при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, **учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию**» (ч. 3 ст. 307 ГК РФ).

Соответственно, положения 1 абз. Ч. 2. Ст. 41 АПК РФ, требующие от лиц, участвующих в деле, добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами, не должно восприниматься лишь как прелюдия к абз. 2 ст. 2 ст. 41, гласящей, что злоупотребление процессуальными правами лицами, участвующими в деле, влечет за собой для этих лиц предусмотренные АПК РФ неблагоприятные последствия.

Развитие принципа добросовестности в гражданском праве должно серьезнейшим образом повлиять на процессуальные кодексы и правоприменительную практику.

Принцип добросовестности не позволяет существованию «права на ложь». В процессуальном законодательстве и правоприменительной практике должны быть осуществлены изменения, которые обеспечивали бы эффективное противодействие лжи в процессе.

Литература

1. Арановский К. В. Аксиология правды в русском мировоззрении и государственное право // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2003. – № 6 (251). – С. 185–193.
2. Афанасьев С. Ф. Проблема истины в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Афанасьев Сергей Федорович. – Саратов, 1998. – 216 с.
3. Бартошек М. Римское право: Понятие, термины, определения. – М. : Юридическая литература, 1989. – 447 с.
4. Гаджиев Г. А. Закон «О Конституционном Суде РФ»: новеллы конституционного судопроизводства 2010 г. // Журнал российского права. – 2011. – № 10. – С. 17–26.
5. Гарapon А. Хранитель обещаний: суд и демократия. – М. : Nota Bene, 2005. – 328 с.
6. Гражданское право : учебник : в 2 т. / отв. ред. проф. Е. А. Суханов. – Т. 1. – М., 2004.
7. Гусейнов А. А. Что говорил Кант, или Почему невозможна ложь во благо? // Логос. – 2008. – № 5 (68). – С. 103–121.
8. Дождев Д. В. Добрая совесть (bona fides) как принцип правового общения // Проблемы ценностного подхода в праве: традиции и обновления / отв. ред. В. С. Нерсесянц. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1996. – С. 29–40.
9. Докучаева Т. В. Гражданско-процессуальная доктрина истины в России конца XIX–XX веков (Историко-правовое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Докучаева Татьяна Васильевна. – М., 1999. – 181 с.
10. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М. : Русский язык, 2000. – URL: <https://www.efremova.info/>
11. Иоффе О. С. Советское гражданское право : курс лекций. – Ленинград : Изд-во Ленингр. Ун-та, 1958.
12. Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Трактаты и письма. – М. : Наука, 1980. – С. 232–237.

13. Карлявин И. Ю. Методологическое значение категорий *fides* (совесть) и *bona fides* (добрая совесть) в римском частном праве // *Lex Russica*. – 2015. – Т. 98, № 1 – С. 130–140.
14. Коциоль Х. От обязательства на основании сделки к ответственности за утрату доверия // *Вестник гражданского права*. – 2013. – № 5. – С. 263–282.
15. Крыленко Н. В. Судоустройство РСФСР : лекции по теории и истории судоустройства. – М. : Юрид. изд-во НКЮ, 1924. – 406 с.
16. Малинин М. И. Теория гражданского процесса. – Одесса : Тип. П. А. Зеленого (б. Г. Ульриха), 1881.
17. Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблема теории и практики. – М. : Статут, 2019. – 278 с.
18. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // *Вестник гражданского права*. – 2006. – Т. 6. – С. 124–181.
19. Постановление Европейского суда по правам человека от 22 февраля 2007 г. Дело «Татишвили (Tatishvili) против Российской Федерации» (жалоба № 1509/02). – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=65613#04825553133937528>
20. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 3 октября 2017 года № 30 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». – URL: http://vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=11612
21. Рикёр П. Справедливое. – М. : Гнозис : Логос, 2005. – 299 с.
22. Розин Н. Н. Процесс, как юридическая наука // *Журнал Министерства юстиции*. – 1910. – октябрь. – С. 43. – URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=119774>
23. Рубанов А. А. Понятие источника права как проявление метафоричности юридического сознания // *Судебная практика как источник права*. – М. : Изд-во ИГиП РАН, 1997. – С. 42–47.
24. Рязановский В. А. Единство процесса. – М. : Юрид. бюро «Городец», 1996. – 75 с.
25. Соловьев В. С. Категорический императив нравственности и права. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – 416 с.
26. Соловьев В. С. Право и нравственность. Очерки прикладной этики // *Антология российской естественно-правовой мысли : монография : в 3 т. / А. Г. Чернявский, А. С. Куницын, А. Л. Воронцов*. – Т. 2. – М. : ИНФРА-М, 2019. – С. 79.
27. Султанов А. Р. Мотивированность судебного акта как одна из основных проблем справедливого правосудия // *Закон*. – 2014. – № 8. – С. 114–118.
28. Султанов А. Р. О проблеме мотивированности судебных актов через призму постановлений Европейского суда по правам человека // *Международное публичное и частное право*. – 2008. – № 2. – С. 11–14.
29. Султанов А. Р. Правосудие не может быть немотивированным! // *Закон*. – 2018. – № 1. – С. 38–49.
30. Султанов А. Р. Упрощение судопроизводства, или по ком звонит колокол? // *Вестник гражданского процесса*. – 2018. – Т. 8, № 5. – С. 79–102.
31. Уткин Г. Н. Идея правды в отечественной правовой мысли : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Уткин Григорий Николаевич ; [Место защиты: Моск. ун-т МВД РФ]. – М., 2008. – 26 с.
32. Хаббард Л. Р. Целостность личности // *Scientology network* : [сайт]. – URL: <https://www.scientology.tv/ru/series/l-ron-hubbard-library-presents/personal-integrity.html> (дата обращения: 02.07.2019).
33. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений // *Яковлев В. Ф. Избранные труды*. – Т. 2. – М. : Статут, 2012. – С. 89.

Aidar Rustemovich Sultanov,

Head of Legal Department of PJSC Nizhnekamskneftekhim,
member of Association for Better Living and Education (ABLE) (Nizhnekamsk)

Notes on the right to lie in the process from a philosophical perspective

The author considers the problem of lying in the process in terms of philosophy and regarding substantive law not permitting lying in transactions.

Key words: lie; right to lie; trust; good faith; justice.